
МИССИЯ КНЯЗЯ ЛЬВОВА В США И ЕВРОПУ В НОЯБРЕ 1918 – ЯНВАРЕ 1919 Г.

И.П. Стрелков

Кафедра Отечественной истории XX в.
МГУ им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27, Москва, Россия, 119992

В статье анализируется дипломатическая миссия князя Г.Е. Львова в США и Европу в канун Парижской мирной конференции 1919 г. Автор рассматривает миссию как характерный эпизод в становлении внешней политики Белого движения в конце 1918 г. В частности, исследуются цели поездки, ход переговоров, выявлены причины неудачи миссии. Особое внимание уделено политическим взглядам Львова.

Ключевые слова: Парижская мирная конференция, Белое движение, интервенция, большевизм.

В истории Белого движения его отношения с державами Антанты являются одним из ключевых вопросов. В советской литературе преобладал взгляд на белых и Антанту как на единый лагерь, целью которого было свержение советской власти в России. Антанта изображалась истинным организатором Гражданской войны в России, а Белому движению отводилась подчиненная роль непосредственного исполнителя планов «союзников» (1). Разумеется, нельзя отрицать динамику в изучении этого вопроса советскими историками. Если в 20-е гг. исследователи активно использовали архивные документы белых правительств (2), занимались их публикацией (в журнале «Красный Архив»), то с конца 30-х по начало 1950-х гг. возобладало отношение к внешнеполитической деятельности белых как к фактору, которым можно пренебречь (3). Представление о Белом движении как о силе, вспомогательной по отношению к «мировому империализму», встречается и в работах последующих 30 лет (4). Все разногласия между русской контрреволюцией и «союзниками» объяснялись позицией рабочего движения в мире и «межимпериалистическими противоречиями». Тем не менее в 1970–1980-е гг. в ряде исследований можно говорить о серьезном анализе внешней политики Белого движения. Так, Г.З. Иоффе подробно анализировал международное положение правительства А.В. Колчака (5), а в работе Н.Г. Думовой (6) затронуты интересные аспекты деятельности русских дипломатов в годы гражданской войны. Разработка новых источников в этих работах позволила углубить изучение проблемы, и исследователям становилось все сложнее оставаться в рамках старой концепции, смотревшей на отношения белых и Антанты как на отношения «хозяев» и «марионеток».

После распада СССР отечественные историки получили возможность расширить источниковую базу своих трудов и выйти за пределы советской парадигмы. Весомый вклад в изучение внешней политики Белого движения и работы его заграничных представительств сделан А.В. Шмелевым (7), Г.А. Труканом (8), О.В. Будницким (9), М.М. Коновой (10), Е.П. Серапионовой (11), В.Ж. Цветковым (12). В их работах исследуются разнообразные факторы, определившие сложность отношений между белыми и «союзниками», большинство авторов поднимают вопрос о стремлении белых защищать национальные интересы России перед лицом Антанты. Последнее, конечно, было немислимо в советской литературе, понимавшей Белое движение не только как контрреволюционное, но и как антинациональное явление (13).

Сложность взаимоотношений белых и Антанты заставляет ученых концентрироваться и на небольших сюжетах, связанных и с международной политикой первых послевоенных лет в целом. В этой связи интересны статьи К. Брюгеманна (14), И.В. Михутиной (15), С.В. Листикова (16). Такой подход позволяет на отдельном примере показать политические задачи сторон, способы и эффективность их реализации, стиль мышления конкретных действующих лиц и т.д.

В данной статье исследуется миссия князя Г.Е. Львова в США и Европу в конце 1918 – начале 1919 г. Князь, бывший председатель Временного правительства, не занимавший к моменту Октябрьской революции государственных постов, весну 1918 г. провел в советской тюрьме, а освободившись, по собственной инициативе отправился в Омск, где с лета 1918 г. власти принадлежала Временному Сибирскому правительству под председательством П.В. Вологодского. В середине сентября он отправился в США для переговоров с президентом Вильсоном.

Осенью 1918 г. антибольшевистское движение в Сибири и на Урале переживало серьезные перемены. В начале сентября в Уфе открылось Государственное Собрание, целью которого было создание всероссийской власти, главным образом за счет соглашения правительства Вологодского и правительства Комитета Учредительного Собрания (Комуч). 23 сентября 1918 г. было создано Временное Всероссийское правительство, во главе которого стояла пятичленная Директория. На основе всеобщей воинской повинности началось создание Сибирской армии, остро нуждавшейся в оружии и снаряжении. Претендуя на создание всероссийской власти, политики в Уфе ставили задачу официально представлять Россию в мире, что было особенно важно ввиду подходившей к концу мировой войны. Все это требовало установления прочных связей с ведущими державами Антанты и признания антибольшевистского правительства законной властью в России.

В августе и сентябре 1918 г. Сибирскому правительству и Директории удалось наладить контакт с русскими заграничными представительствами. Послы отказались сотрудничать с большевиками и сохраняли официальный

статус. Однако обмен мнениями с ними шел медленно, к тому же, до образования Директории было бессмысленно поднимать вопрос о признании. Положение послов оказалось неопределенным – они были официальными послами формально непризнанного правительства. Кроме того, они были мало информированы о ситуации в России.

В таком положении представительство в виде посольств было недостаточным, и инициатива князя Львова о миссии в США, как казалось, позволяла добавить антибольшевистскому движению вес на Западе. Он мог представить свежие сведения о России, а его авторитет как крупного общественного деятеля и главы первого «демократического» правительства России должен был придать Белому движению ореол легальности.

Князь отправился за границу, не дожидаясь окончания Совещания в Уфе. В середине ноября он добрался до Вашингтона и встретился с президентом В. Вильсоном и некоторыми другими государственными лицами США. Его переговоры закончились явной неудачей: с президентом не получилось обстоятельной беседы, а от других чиновников он не смог добиться никаких конкретных обещаний. В январе 1919 г. в Париже Львов виделся с премьер-министром Великобритании Д. Ллойд-Джорджем, после чего продолжил деятельность уже в рамках Русского Политического совещания, став его председателем.

Несмотря на провал миссии, ее история представляет интерес как отрицательный опыт контактов между представителем Белого движения и высших лиц держав Антанты. Задача данной статьи – проанализировать факторы, помешавшие князю Львову добиться ощутимых результатов. Союзники в конце 1918 г. плохо представляли пути решения «русского вопроса», и, казалось бы, Львов мог представлять для них интерес (17). Важно понять, как Львов понимал характер и задачи своей миссии, как оценивал собственные возможности. Это представляется существенным потому, что государственные структуры Белого движения, и, в частности, их внешнеполитическое представительство находились в конце 1918 г. в стадии формирования. Анализ ошибок князя Львова позволит оценивать дальнейшую деятельность представителей Белого движения за рубежом с точки зрения развития способов, форм влияния на союзников.

Материал, характеризующий миссию Львова, в основном отложился в его личном фонде, хранящимся в ГАРФе (фонд Р-6028). Это документы, подтверждающие полномочия князя, письма, телеграммы русским и американским политическим деятелям, вопросы американской прессы и проекты ответов, и, главное, стенограммы его бесед с В. Вильсоном, Ж. Клемансо и Д. Ллойд-Джорджем и некоторыми другими политиками (на русском языке).

Ряд обстоятельств поездки князя Львова в США отражены в фонде русского посольства в Вашингтоне (АВПРИ. – Ф. 170. – Оп. 512/4). Это сведения о дате прибытия Львова в США и Вашингтон, его помощниках, планах, контактах с прессой – в том виде, в котором они стали известны посольству.

Наконец, существуют воспоминания о Г.Е. Львове, оставленные его соратником по земской и дипломатической деятельности Т.И. Полнером (18). Мемуары написаны после смерти князя и носят характер жизнеописания. Критическая сторона в них выражена слабо. Тем не менее Полнер сопровождал князя в его поездке, передал содержание некоторых встреч. Мемуары позволяют судить и о личности Г.Е. Львова, его убеждениях.

Первый вопрос состоит в том, как сам Львов понимал характер своей миссии. Полнер вспоминал, что в начале 1918 г. князь рассматривал поездку как частную инициативу. 14 сентября 1918 г., накануне отъезда из Омска, во время телефонного разговора с председателем Государственного совещания в Уфе Н.Д. Авксентьевым, он также держался этого взгляда (19). Это обстоятельство интересно, так как есть документы, согласно которым Львов имел полномочия от двух организаций. 6 сентября 1918 г. Львову было выдано удостоверение от Высшего Совета Снабжения Союзных Армий, с разрешением от его имени вести переговоры и производить заказы воинского имущества в США и Японии (20). 20 сентября он получил верительную грамоту Сибирского Временного правительства. В грамоте содержалась просьба к правительствам союзных держав – США, Великобритании, Франции и Японии – «принимать князя как полномочного представителя правительства, аккредитованного вести переговоры и действовать от его имени, одинаково выступая от его имени с предложениями и принимать на него обязательства» (21).

Полномочия от Совета Снабжения и Сибирского правительства предполагали работу разного качества. В одном случае это деятельность по организации военной помощи, знакомая Львову по Земгору, в другом – общие дипломатические задачи. Для этого у Львова не было ни подготовки, ни опыта.

В письме Вильсону, предварявшем их встречу, князь писал, что он «не имеет официального права говорить от имени русского народа или же выражать его мнение». Обращался же Львов к президенту лишь потому, «что лучше многих знал о ситуации в России» (22). О полномочиях от Сибирского правительства или Совета Снабжения Львов не упоминал.

И.И. Сукин (23) видел Львова в Токио и сообщал в посольство, что князь едет с частным визитом, собирается «поделиться сведениями и мыслями о России с немногими лицами... не будучи официально связанным с новым правительством» (24). Действительно, официальные полномочия князь имел от Сибирского правительства, а не от образовавшейся 23 сентября Директории. С председателем Директории Н.Д. Авксентьевым он договорился о частном характере поездки 14 сентября.

Поездка Львова была не только неофициальной, но и в какой-то степени тайной. И.И. Сукин передавал в Вашингтон, что князь не желает контактов с американской прессой и просил принять меры по ограждению его от журналистов (25). Таким образом, Г.Е. Львов не готовился работать с американским общественным мнением, хотя Ч. Крэн (26) в своем письме

предлагал ему человека, который бы помог ему сориентироваться в данном вопросе (27).

Итак, Львов прибыл в США, не имея ни ясных полномочий, ни согласованной с правительством программы действий. Нельзя, однако, сказать, что он ехал исключительно в качестве консультанта, только чтобы «поделиться сведениями и мыслями». Он думал добиться ясных решений от американского правительства. 12 октября князь писал из Токио в Омск: «В Америке предстоит серьезная работа: мои предположения о наличии готового оружия для России верны. Оно по праву наше. Но для его получения требуется много времени. Все гораздо сложнее, чем представлялось в Омске» (28).

Здесь важно понять, как Львов понимал роль США и президента Вильсона в международных отношениях. Будучи главой Временного правительства, Львов высказывался и о политической свободе США как об ориентире для России: «Десятилетиями Америка служила для нас образцом свободы и развития интеллектуальных и материальных сил... Теперь одним скачком мы достигли американской степени свободы... Мы на правильном пути» (29). Но это была публичная речь, сказанная в дни работы в России миссии Рута, и некоторая наивность, стремление к красивым лозунгам объяснимы.

Важнее то, что Львов ориентировался на подобные представления в практической деятельности. Полнер сообщает, что еще в феврале 1918 г., когда у князя родился план поездки, он был под влиянием подобных идей (30). В упомянутом письме Вильсону князь рассуждал о выдающейся роли США как демократической державы в организации послевоенного мира, писал об «особенном внимании» Вильсона к России (31). В переписке с Ч. Крэном князь уделил немало внимания высоким устремлениям Вильсона (32). Крэн тоже писал о Вильсоне, как о «влиятельнейшем человеке в мире, выражающем интересы всего мира» (33). Учитывая это, можно говорить об идеалистическом отношении Львова к Америке и ее президенту.

Конечно, Львов руководствовался не только подобными соображениями. Находясь в Токио в октябре 1918 г., он писал в Омск о своих впечатлениях от консультаций с союзническими дипломатами. У князя сложилось мнение, что на предстоявшем мирном конгрессе главную политическую роль будут играть Штаты; от них же зависит и основная материальная помощь (34).

В своем письме Львов характеризовал и положение России. Россия «тяжело больна» и без помощи союзников «выздороветь» не может. В качестве примера такой «помощи» Львов приводил восстание чехословаков, считая его поворотным пунктом антибольшевистской борьбы. Если же помощь не поступит, то Россия, предрекал Львов, окажется в руках немцев и победа Антанты потеряет смысл. Да и в целом – установление послевоенного мира без России невозможно (35).

Львов собирался широкий круг проблем. Здесь и вопрос о помощи антибольшевистским армиям, и вопрос участия России на мирной конферен-

ции, а, значит, и вопрос признания новой власти. Эти вещи требовали внимательного изучения как американскими, так и союзническими политиками и вряд ли укладывались в один частный разговор.

Сама беседа была короткой (15–20 мин), имела скомканный характер. Вильсон поинтересовался, как осуществить на практике 6-й пункт его программы. Львов наметил основные направления – определение формы представительства России на Мирной конференции, решение судьбы русских военнопленных, устранение угрозы голода в Европе и России за счет русских и американских запасов, «борьба с анархией» (36).

Показательна реакция Вильсона на проблему участия России на Мирной конференции. Он заметил, что всероссийского правительства не существует, и представлять Россию некому. Теоретически тут Львов должен был говорить от имени Директории, претендовавшей на всероссийскую власть, убеждать Вильсона, что в Омске законное правительство России. Но таких полномочий Львов не имел. Конечно, 21 ноября 1918 г. уже не существовало и Директории, что подтверждает, что Львов поторопился с отъездом. Но перед Львовым был все же путь – доказывать преемственность Российского правительства и Директории так, как это делалось в самом Омске. Эффективность подобных убеждений может вызывать сомнения, но это единственное, что оставалось сделать. Львов ограничился сообщением, что «большевизм не имеет корней в народе» (37).

Итак, князь Львов не сумел добиться от Вильсона серьезного отношения к собственной миссии. Следует учесть, что президент США в то время собирался в Париж на Мирную конференцию, и действительно не мог начинать в Вашингтоне изучение «русского вопроса» во всей его полноте.

Потерпев неудачу, Львов продолжил переговоры с высокими американскими чиновниками. Он встретился с министром финансов США и его помощниками, с товарищем министра иностранных дел Полком, главой «русского бюро» War Trade Board Мак-Кормиком (38). Львов интересовался кредитами, оставшимися от Временного правительства. В беседах с министрами князь не удержался от политических претензий, заявив, что за 1918 г. «Россия трижды испытала разочарование в союзниках», которые не оказали своевременную помощь летним антисоветским восстаниям, не признали Директорию и не оказали достаточную материальную помощь (39). В министерстве финансов подобные претензии были не к месту, а Полк отказался нести ответственность за непризнание Директории, тем более, что и сам князь не мог указать на какое-либо официальное обещание американского посла (40). Насчет кредитов Львову объяснили, что непризнанному правительству их выдать невозможно (41). Львов пытался заинтересовать Полка перспективой экономического освоения России, предупреждая, что, в противном случае, этот рынок займет Япония, имеющая в Сибири 60 000 солдат (42). Непонятно, как отреагировал Полк, но очевидно, что Львов верил в перспективу этих обещаний.

Он писал Вологодскому, что для скорейшего признания правительства необходимо объявить экономическую программу, которая бы заинтересовала союзников (43). Ясно, что Львов откладывал переговоры о признании до выработки и принятия «программы», а говорить что-либо самостоятельно не решался. Надо пояснить, что познания в области экономического потенциала Сибири у Львова и Полнера были (44). Находящаяся в фонде Львова брошюра А. Зака «Россия. Возможное участие Америки в ее экономическом будущем» свидетельствует, что он изучал этот вопрос и в Вашингтоне (45).

В разговоре с Мак-Кормиком Львов не пошел далее критики товаров, которые его организация готовила для России (46). Но положительных предложений, кроме пожелания «широкой экономической программы», Львов не дал. Мак-Кормик посоветовал Львову переговорить со своим сотрудником, который собирался в Ростов-на-Дону (47). Предложение наивное, если учесть, что князь приехал из Сибири и никаких точных данных о проблемах Юга не имел.

В итоге все, что Львову удалось выяснить, – это размер кредитов, которые, в случае признания правительства, можно будет оспорить.

Другой стороной деятельности Львова в Америке было общение с прессой. Газеты интересовались миссией Львова: *New York Times* уже 2 октября сообщала о его прибытии в Токио и времени появления в США (48). Сначала он не планировал этим заниматься, о чем заранее известил посольство. Так, 24 октября в посольство на имя Бахметева пришло письмо из Комитета общественной информации с просьбой устроить встречу их представителя Пуля с князем (49). Бахметев уклончиво ответил, что встречу организовать можно, но князь не хочет придавать огласку своему приезду (50). То есть Пуль мог пообщаться с Львовым, но не как журналист.

Тем не менее, князю пришлось изменить свое отношение к прессе. А. Зак прислал Львову в Вашингтон письмо, где убеждал, как важно завоевать общественное мнение в США. К письму прилагались вопросы от газет *New York Evening Post*, *New York Herald*, *Newark City News*, *Christian Science Monitor*. Газеты интересовались широким кругом проблем. Среди них были крупные вопросы – о связях русской и германской революций, будущем России после падения большевиков, о национальном вопросе, сущности большевиков, отношении к ним народных масс, позиции России на мирной конференции и некоторые другие (51). Были вопросы частного характера, например, о том, представлял ли Сазонов в Екатеринодаре всероссийское или местное правительство, о роли Брешко-Брешковской и Керенского в текущей русской политике. *New York Herald* отдельно интересовалась вопросами финансово-экономического характера – какую роль могут сыграть США в восстановлении России. Всего 4 указанные газеты прислали 40 вопросов. Заметим, что лишь один из них прямо касался сущности антибольшевистской власти в России. *Newark Evening News* спрашивала, о будущем «Омского Временного правительства» (52).

Интерес к положению в России в американской прессе был, кое-что было известно, но сведения носили очень бессистемный характер. Источники, питавшие американское общественное мнение, были весьма сомнительны. Ф. Шуман посвятил этому вопросу отдельную главу с характерным названием «Отравление общественного мнения». Он показал, что в 1918–1919 гг. американская пресса была завалена чудовищно нелепой информацией о России вроде документов Сиссона, фальшивых декретов о национализации женщин и пр. Разоблачение такого рода известий серьезно дискредитировало антибольшевистское движение в целом (53). Работа с американской прессой требовала особого внимания. Львов же к ней даже не готовился.

Перспективы участия американских капиталов в развитии российской экономики он оценивал положительно, однако противоречил собственным словам, сказанным Полку. Прессе он сообщил, что со стороны Японии США не встретят конкуренции, так как в Сибири «японским капиталам не сочувствуют из-за их политических целей». Угроза существует якобы со стороны Германии, только что проигравшей войну (54). О «60 000» японских солдат в Сибири он не упомянул.

Характерен ответ Львова о власти большевиков. Он писал, что это режим, который Россия не видела со времен Ивана Грозного. Едва ли это удачное сравнение для американского читателя, который мог судить о знаменитом в России царе разве что по прозвищу (Ivan the Terrible) (55). Самых большевиков он описывал как организованное меньшинство, державшее в своих руках вооруженную силу и государственный аппарат, поддерживаемое немцами. Поэтому, говорил Львов, «180 миллионов» не могут их сбросить. Основной принцип внешней политики большевиков, по Львову, – отказ от внешнего государственного долга, а внутренней политики – уничтожение института неприкосновенности частной собственности и личности. Вся их власть держится исключительно на терроре (56). Здесь Львов пытался апеллировать к ценностям американского общества.

Силы, противостоявшие большевикам, князь представил прессе неконкретно. Он говорил о неких «лояльных русских людях», которым тяжело «в одиночку», без помощи союзников, бороться с большевизмом (57). Не ясно, что означала «борьба в одиночку» 180-миллионной нации против «меньшинства» и переживавшей революцию Германии.

Неубедительность выступлений Львова для американской прессы объясняется тем, что князь сам не верил в то, что писал. В личном письме Крэнну Львов говорил о том, как население не любит большевиков, как чужда революция *лучшим* сторонам русских людей (58). Наличие лучших качеств подразумевает и наличие худших. Это «буйство природы, анархичность, податливость влияниям, быстрота смены идей» (59). Большевики воспользовались этими чертами, нашли в народе почву для воплощения своих планов. Поэтому, заключал Львов, «почва эта (почва большевизма. – *И.С.*) русская и большевизм есть явление русской природы» (60).

Как видно, Г.Е. Львов имел собственное мнение о причинах силы советской власти. Этот взгляд далек от шаблонной для Белого движения характеристики большевизма как чуждого, навязанного России извне явления, держащегося только на страхе, военной и финансовой помощи Германии.

Итак, свою задачу в США – «поделиться сведениями и мыслями о России с немногими лицами» – Г.Е. Львов выполнил. Но серьезный интерес в Америке к его миссии политики не показали. В Париже у Львова наиболее обстоятельный разговор произошел 16 января 1919 г. с Ллойд-Джорджем и Бонар Лоу (61). Характер беседы позволяет судить о той роли, которую союзники отвели Львову.

С одной стороны, британцы задавали вопросы чисто фактического характера – о численности войск белых и красных в различных частях России. Названные Львовым данные Ллойд-Джордж тут же сравнил с информацией, полученной от британских агентов в России. По численности антибольшевистских армий сведения совпали, а по численности Красной армии – разошлись существенно. Если Львов говорил о 250 000 бойцов, то Ллойд-Джорджу передавали об армии в 800 000 (62). Также Ллойд-Джордж поинтересовался, кому в Советской России принадлежит власть – Ленину или Троцкому (63).

Другие вопросы относились к причинам успехов советской власти. Львов не мог предложить ничего отличного от того, что он объяснял американской прессе. Он ссылаясь на поддержку немцев, рассуждал о том, что большинство не всегда сильнее меньшинства, если последнее хорошо организовано и т.д. Британский премьер остался при мнении, что здесь есть «что-то необъяснимое» (64).

Ллойд-Джордж не верил утверждениям Львова о том, что крестьяне ненавидят советскую власть. В его глазах коммунистические идеи были лишь теорией, факты же говорили в пользу того, что земля в Советской России в собственности крестьян и у них нет оснований не любить большевиков (65).

На встрече подробно обсуждался план конференции на Принцевых островах. Львов сначала вовсе отказывался комментировать это предложение, снова ссылаясь на то, что он не уполномочен говорить от имени России (66). Между тем в январе 1919 г. князь был уже председателем Русского Политического Сопровождения в Париже. Усилия этой организации были направлены именно на то, чтобы официально представлять Россию на Мирной конференции. Поэтому позиция князя выглядит странной. Более того, он сам порекомендовал Ллойд-Джорджу проконсультроваться с Сопровождением, сказав, что оно работает под его председательством. Лично же он был против конференции с участием большевиков. Не подействовали доводы премьер-министра, что конференция важна для западного общественного мнения, так как она беспристрастно покажет сущность большевизма (67). В конце Ллойд-Джордж сообщил, что о ра-

боте русских представителей на Мирной конференции не может быть и речи (68).

В середине января 1919 г. у Ллойд-Джорджа сформировался взгляд на русский вопрос. Информацию он получал от британских представителей, которые были во всех значительных центрах антибольшевистского движения. Беседуя со Львовым, он лишь проверял точность его слов, чтобы понять, можно ли ему, как представителю белых, вообще верить. Не зря Полнер сравнил эту встречу с «перекрестным допросом» (69).

Консолидация сил Белого движения к концу 1918 г., их претензия на роль всероссийской власти и международная обстановка окончания Первой мировой войны требовала установления прочных контактов с союзниками. В этой связи миссия Львова могла оказаться полезной, с учетом того, что ему удалось встретиться с высшими лицами США и Великобритании.

Однако в том виде, в каком она состоялась, миссия не имела перспектив.

Во-первых, поездка Львова была устроена на фоне нестабильных политических процессов в антибольшевистской России. За время его путешествия власть в Омске менялась 2 раза, причем второй раз путем переворота. Следствием стали совершенно неясные полномочия князя. Это создавало для работы Львова объективную трудность.

Во-вторых, миссия была организована непрофессионально. В Омске Львов не имел серьезных консультаций в министерстве иностранных дел Сибирского правительства о четкой программе переговоров, более того, договорился о частном характере поездки. Его расчет строился на том, чтобы сориентироваться на месте и, исходя из ситуации, действовать дальше.

В-третьих, Львов смотрел на Вильсона в идеалистическом ключе, как на своего рода «великого демократа», который просто не мог не оказать в помощи в борьбе с большевизмом. Большевизм же он характеризовал в исключительно пропагандистских тонах, как некую «болезнь», как силу, держащуюся на иностранной помощи. Понятно, что такие подходы были далеки от реальной политики.

Неудачной оказалась и кандидатура самого Львова. Расчет на его авторитет как «представителя общественности» и «демократии» не оправдался, в то же время, сказалась его неопытность в дипломатии и политике вообще.

Таким образом, миссия Львова показала для Белого движения необходимость организации более солидных контактов с союзниками, чем частные консультации с привлечением непрофессиональных лиц, должна была подтолкнуть к поиску иных аргументов для заграничной пропаганды.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. – М., 1987. – С. 7. Березкин А. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918–1920 гг.). – М., 1952. – С. 32.
- (2) Субботовский И.И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. – Л., 1926.
- (3) Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. – М., 1949. – С. 9.
- (4) Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и интервенция в страну Советов. – Киев, 1971. – С. 147.
- (5) Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. – М., 1983.
- (6) Думова Н.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. – М., 1989.
- (7) Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака. – М., 1995.
- (8) Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. – М., 2000.
- (9) Будницкий О.В. Послы несуществующей страны // Совершенно лично и доверительно! Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка (1919–1951). – М., 2001.
- (10) Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). – М., 2004.
- (11) Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия 1890–1937. – М., 2006.
- (12) Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. – М., 2009.
- (13) Скаба А.Д. Парижская мирная... – С. 20.
- (14) Brugemann K. And then we shall point our bayonets at Reval: the Russian Whites and Estonia during the Russian Civil war, 1918–1920 // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX вв. – Самара, 2001.
- (15) Михутина И.В. Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919–1920 гг. // Версаль и новая Восточная Европа. – М., 1996.
- (16) Листиков С.В. Президент В. Вильсон, русские небольшевистские силы и конференция на Принцевых островах // Американский ежегодник 2007. – М., 2009.
- (17) См. Ullman R. Britain and the Russian Civil war. – New Jersey, 1968. – P. 85. Mayer. A. Politics and diplomacy of peacemaking. – Princeton, 1966. – P. 284.
- (18) Полнер Т.И. Жизненный путь князя Г.Е. Львова. – М., 2001.
- (19) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 2.
- (20) Там же. – Д. 2. – Л. 1.
- (21) Там же. – Д. 3. – Л. 1.
- (22) Там же. – Д. 15. – Л. 1.
- (23) Сукин Иван Иванович – с июля 1917 г. сотрудник русского посольства в Вашингтоне, позже – управляющий делами министерства иностранных дел Российского правительства А.В. Колчака.
- (24) АВПРИ. – Ф. 170. – Оп. 512/4. – Д. 42. – Л. 144.
- (25) АВПРИ. – Ф. 170. – Оп. 512/4. – Д. 42. – Л. 144.
- (26) Американский промышленник, известный Львову по миссии Рута 1917 г.
- (27) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 2.
- (28) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 4.
- (29) Shuman F. American policy toward Russia since 1917: a study of diplomatic history, international law and public opinion. – N. Y., 1928. – P. 45.
- (30) Полнер Т.И. Жизненный путь... – С. 367.

- (31) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 5.
- (32) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 6.
- (33) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 1.
- (34) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 2–4.
- (35) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 2–4.
- (36) *Полнер Т.И.* Жизненный путь... – С. 393.
- (37) Там же.
- (38) О бюро подробнее см.: *Killen L.* The Russian bureau. The University Press of Kentucky, 1983.
- (39) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 1.
- (40) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 1–2.
- (41) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 3.
- (42) Там же. – Л. 3.
- (43) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 1.
- (44) Они занимались проблемами переселенчества и издали книгу «Приамурье» (М., 1909), посвященную природным богатствам края.
- (45) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 19. А. Зак – экономист, директор Русского информационного бюро в США.
- (46) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 2.
- (47) Там же. – Л. 3.
- (48) *New York Times.* – 2 October 1918.
- (49) АВПРИ. – Ф. 170. – Оп. 512/4. – Д. 41. – Л. 148.
- (50) Там же. – Л. 151.
- (51) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 4–7.
- (52) Там же. – Л. 7.
- (53) *Schuman F.* American policy... – P. 151.
- (54) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 1.
- (55) Там же. – Л. 2.
- (56) Там же. – Л. 2.
- (57) Там же. – Л. 2.
- (58) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 10.
- (59) Там же. – Л. 13.
- (60) Там же. – Л. 13.
- (61) Бонар Лоу почти не участвовал в разговоре, все существенное с британской стороны говорил Ллойд-Джордж.
- (62) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 2.
- (63) Львов полагал, что Троцкому.
- (64) ГАРФ. – Ф. Р-6028. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 2.
- (65) Там же. – Л. 3.
- (66) Там же. – Л. 7.
- (67) Там же. – Л. 8.
- (68) Там же. – Л. 8.
- (69) *Полнер Т.И.* Жизненный путь... – С. 403.

**PRINCE LVOFF'S MISSION TO THE USA AND EUROPE
IN NOVEMBER 1918 – JANUARY 1919.**

I.P. Strelkov

Department of Russian history of XX Century
Moscow State University
Lomonosovsky Ave., 27, Moscow, Russia, 119992

The article deals with the problem of the diplomatic mission of prince Lvoff to the USA and Europe on the eve of the Paris Peace Conference of 1919. The author's point is that the mission is a distinctive episode in the development of White movement's foreign policy. In particular, the author investigates the goal of the mission, the deliberations and educes the cause of it's fail. Special attention is paid to the political views of prince Lvoff.

Key words: Paris Peace Conference, White movement, intervention, Bolshevism.